

СЛОВАРЬ, ИЛИ ЗАГАДКА ОСТРОВСКОГО

О книге, которая не вышла (170 лет со дня рождения великого драматурга)

Владимир Лакшин

Юбилей

ЭТА КНИГА могла стать событием в литературном и театральном мире. Но будто горькое заклятие лежит на «Словаре языка Островского», составленном Н. Ашукиным, С. Ожеговым и В. Филипповым, — он был подписан к печати в июле 41-го... В конце сороковых годов «Словарь» набрали в типографии. Было оттиснуто не более 20 пробных экземпляров. Сброшюрованные, но лишенные обложки, они сохранились в семьях авторов, в некоторых частных собраниях и книгохранилищах страны. Тираж «Словаря» так и не вышел в свет. О причинах не трудно догадаться. Проработанные кампании той поры, борьба с «безродными космополитами», а заодно со старой академической наукой сделали издание новых научных книг в области литературы и театра величайшей редкостью. Редакторская перестраховка смогла распространиться и на то, что называли «псевдоученостью», далекой от практических целей построения коммунизма, и «идеализацией старины». В последний раз «Словарь» собирались издать лет пять назад. Сегодня на его издание просто не хватает денег...

Между тем именно эта книга, возможно, помогла бы нам разрешить загадку Островского. Какую загадку? — могут возмутиться те, кто находит поэтику драматурга устаревшей, пьесы его — слишком наивными и простыми, едва ли не примитивными. Ну можно еще понять, когда говорят о загадке Беккета, загадке Пиранделло, но Островский — сплошной ответ, голая очевидность!

Позвольте не согласиться. Разве не великая загадка — то, что не раз предававшийся забвению (10 лет после смерти драматурга его не играли даже в Летнем театре — на фоне символистской драмы он казался «демодем», объявленный критиками исчерпанным и устаревшим, Островский как бы давал себе возможность отдохнуть и со свежей силой являлся перед новыми поколениями зрителей, как ураган, проходил по сценическим площадкам нового и новейшего времени — то с «Грозой» и «Бесприданницей», то с «Мудрецом» и «Горячим сердцем».

В одной из своих литературных заметок Островский говорил о разнице между творением как высшим созидательным актом и сочинением как комбинацией отвлеченных понятий. «Почему язык хорош?» — спрашивал он. И сам отвечал: «Потому что это творение, а не сочинение». По его пьесам мы узнаем, как говорили, ссорились, мирились, объяснялись в любви, насмешничали, исповедовались, обличали, клялись, знакомились и прощались русские люди полтора столетия назад. Но светоносным его слово делала не точная копия с натуры, а сознание живой характерной интонации и фразеологии.

Долг платажом красен, и Островский оплачивает его сторицей. Обильно черпая из родника народной речи и закрепляя услышанное в репликах своих пьес, он незаметно возвращает некоторые собственные словес-

ные изобретения — в духе и стиле тех, что подмечал его острый слух, — в народную речь. Теперь иной раз и не различишь, что найдено, а что придумано. Его чуткое ухо ловило всякий свежий оттенок устной речи, необычной вязи слов, картинного их употребления. Его привлекали образные переосмысления, почтенная латина на старинных речениях, меткость областного словечка, залетевшего в устную речь героев, иногда парадоксальное переосмысление ходячего выражения.

Например, слово «городовой». Тут вовсе не имеется в виду «полицейский», блюститель порядка, как можно было бы подумать по позднему словупотреблению. «Городовой», — объясняет Островский. — Так называются в Москве иногородние купцы, приезжающие за товаром. Слово старое, в прежнее время так называли вообще приезжих из других городов». «Мушник» не имеет никакого отношения к мухам: это торговец мукой. А «мурины», которых пугается Курослепов в «Горячем сердце», — просто-напросто черти. Слова, как убеждает нас Островский, живут весьма причудливой жизнью. Так, слово «задница» он сам толкует как «наследство», выражение «любное дело» — свободное, не принужденное дело и т.п.

Из редких областных слов или узкопрофессиональных черпает Островский значащие фамилии для своих героев. Студент Мелузов в «Талантах и поклонниках» — от «мелуз», так называется хлебная пыль на мельнице. Жмигулина — от «жмигульничать» — обманывать. Зрителю Малого театра и во времена Островского, наверное, было невдомек, что значат все эти фамилии: они выглядели как бы зашифрованными, и драматург вовсе не перемигивался со зрителем. Однако в момент творчества они, по-видимому, служили Островскому путеводным огоньком, опознавательным знаком — ими тайно закреплялась найденная драматургом для персонажа характеристика. Герой с фамилией Мелузов не нес в себе ничего зловредного, но уж никак не мог стать крупным, героическим лицом — так, мучная пыль...

Как понять реплику Устиньи Наумовны: «...с раннего утра

словно отымалка какая мычуся»? («Свои люди — сочтемся».) Мычаться — бегать, суесться, а «отымалка», объясняет «Словарь», — тряпка, какой берут горячий горшок из печи, — вот все и разъяснилось. Увидав слово «подписчик», не торопитесь связать его с печатью — у Островского оно означает живописец, тот, кто дописывает, «подписывает» иконы. «Подоплека» — имеется в виду подкладка у рубахи от плеч до половины груди и спины. Начальный смысл слова для нас истаял, испарился, остался только переносный («подоплека дела»), а для Островского слово еще не утратило своего первого, вещественного наполнения — его как бы можно потрогать. И напротив — загадки утраченных в их исходном смысле образов. «Убить бобра» — обмануться в расчетах. «Слоны продавать» — ходить без дела, шлаться, то есть слоняться, как мы иногда и теперь скажем. «Угореть» — крайне изумиться, поразиться.

Обычайшее слово «рука» Островский употребляет по меньшей мере в сорока различных значениях. Среди них такие общеизвестные, как «сильная рука» (протекция), «на руках носить» (баловать), «на руку нечист» (нечестен), «по рукам ударить» (заклчить сделку), «руки коротки» (нет власти)... Но есть и куда более редкие: «живой рукой» (то есть быстро), «бить на обе руки» (делать, что заблаговременно рассудится), «не рука» (неудобно, некстати), «под рукой» (под чьей-нибудь властью), «руки врозь» (не ясно, что делать, недоумение), «руку тянуть» (держат чью-то сторону).

Нам известно выражение: «сердце не на месте». Но у Островского встречается и другое: «сердце дома», то есть на душе хорошо, спокойно. «Сообразить свое сердце» — по Островскому значит уяснить себе свои чувства.

Уходит в прошлое целый пласт речевой культуры, не всегда зафиксированный в печатных источниках. Чтобы понять словцо Аграфены Кондратьевны «упа-точилась», надо было по меньшей мере представлять, что такое патока. И где-то еще услышать слово «совкий» (не путать со словом «совковый»!), чтобы уяснить его связь с выражением

«суестьливый» — тот, кто суется повсюду. Легко разгадать связь фамилии Турусиной из пьесы «На всякого мудреца...» с выражением «турусы на колесах». Но то, что эти «турусы» — «тарасы на колесах», древние воинские башни, средневековый прообраз танка, неуклюже двигавшиеся на колесах, можно угадать, лишь зная исторические источники.

Эта глубина и разнообразие смыслов, богатство словесных обертонов дают представление и о том, что можно было бы назвать философией языка великого драматурга.

Язык — вернейший симптом душевного здоровья нации. Пока существует изобилие оттенков живой речи, пока идет процесс расширения лексической вселенной, обогащения и переосмысления понятий, рождения новых психологических и логических связей, пока язык радуется внезапными находками, острыми изобретениями народного ума, пока в нем сохраняется историческая память о слове предков — можно считать, что народ, его носитель, находится на подъеме, народная душа не сохнет, а развивается и полнится жизнью.

Сам драматург на примере Пушкина пытался объяснить значение поэта для людей неожиданной формулой: первая его задача, что «через него умнеет все, что может поумнеть». И даже разъяснял одно обычное недоразумение: «...Все вообще великие научные, художественные и нравственные истины очень просты и легко усвоятся. Но как они ни просты, все-таки предлагаются только творческими усилиями, умами, а обыкновенными умами только усваиваются, и то не вдруг и не во всей полноте, а по мере сил каждого».

По мере наших сил понимаем мы и сегодня Островского — восхищаемся созданными им характерами. Остротой и благородством мысли и, не в последнюю очередь, поэтическим языком его комедий и драм.

И кажется, рядом скребят железом по стеклу, когда слышишь повторяемые, увы, и по телевидению, и со сцены слова «констатировать», «займать», «задействовать» или новомодное «озвучить». Для мало-мальски чуткого уха язык Островского — сладчайшая музыка родной речи.

«Доходное место». Театр Революции (1922—1923 гг.)